

Открытое письмо писателю Валерию Сдобнякову по поводу его книги повестей и рассказов «Последний день», вышедшей в издательстве «Советский писатель, 2009

Дорогой Валерий Викторович, здравствуйте!

Не буду загружаться никакими житейскими проблемами, так как ничего особого за это время не произошло, а сразу спешу сказать огромное сердечное спасибо за подаренную книгу «Последний день» («Советский писатель». Москва, 2009). Просто искреннее спасибо! Уж очень она меня проняла. С Вашим творчеством я был немного знаком по журналу «Вертикаль», потом по присланной книге «Солнышко – всем», где меня просто поразил «Колька», но это были лишь искорки. А «Последний день» – уже костёр, который своим теплом согрел и мою душу. За то короткое время встречи на алтайской земле, что произошла у нас с Вами, не очень-то удалось поговорить по душам. И вот теперь я открываю Вас заново и удивляюсь: ведь думаем-то мы и болеем душою об одном и том же. И пишем о наболевшем (Вы в прозе, я – в стихах), потому что в наше время, да и во все времена, наверное, молчать – это всё равно, что оставаться сторонним наблюдателем при разрушении и посрамлении родной земли, а говорить о чём-то другом не позволяет душа. Хотя, прав ли я, когда говорю, что Вы пишете прозу? Потому что «Колька», это – поэзия. Настоящая! Тут не нужно ни разбирать произведение, ни переосмысливать его, а просто как изумительное стихотворение прочитать его и сохранить в сердце навсегда. Это сродни «плачу», поэтическому жанру древней Руси. Плач о безвозвратной утрате детства и неизбежности взросления. Причём, такой искренний и чистый, с таким чувством необходимости этой неизбежности, что от него более, может быть, светло, чем горько. Для меня – это лучшее Ваше стихотворение. И не зря, видимо, в обеих Ваших книгах оно помещено в центре, являясь и осью, и связующим звеном остального.

Признаться, читаю я не так уж и много. Гораздо меньше, чем нужно и чем хотелось бы. Всё эта извечная суета да забота о хлебе насущном. К тому же немалую часть этого «чтива» просто откидываешь в сторону или, пролистав, тут же напрочь забываешь. Но с Вашей книгой – по-другому. В «Последнем дне» меня тронули три вещи. Первая – это предельная, почти дневниковая искренность, какую в прозе встретишь не

так уж часто (вот почему я ещё раз повторяю, что поэзии здесь больше даже, чем прозы). Вторая вещь – это поразительная глубина духовных исканий. Родина и Вера – вот всё, что важнее всего для русского человека. Но осмыслить оба эти необычных пространства, проникнуться ими – получается, как это прозвучало у Вас, не у каждого. Конечно, можно и просто жить не задумываясь, не вникая. Но разум-то нам для чего-то тоже ведь дан. И третья вещь, тронувшая меня в Вашей книге, – это доброта и теплота, которыми насыщен и до краёв наполнен «Последний день». Вот это «цепляет» особенно. Говорить о многом, почти обо всём, и не сказать ни одного худого слова ни о человеке, ни о стране... Даже если бы в данной книге не было ни намека на Веру, то всё равно сразу понятно, что пишет человек верующий. Во всём – мудрая терпимость и любовь. Я вот так не умею. Если что-то сильно задевает, то сразу появляются и упреки, и недовольство. Терпению, наверное, не научиться. Им можно только проникнуться, понимая, что на всё – Воля Божья.

Удивительно, как порой совпадают мысли и чувства людей, и живущих-то друг от друга за тысячи километров, и абсолютно разных по характеру своей деятельности и сфере общения, и, даже, по возрасту. Мы с женой любим путешествовать по Алтаю, открывать новые места. И вот когда вдруг окажешься в незнакомом чудесном уголке, оглядишь восторженным взглядом это диво, и откуда-то изнутри начинаешь осознавать, что твоё это место, родное до боли. Возникает странное ощущение, что ты уже был здесь когда-то, видел всё это, проходил этой тропкой и стоял на этой вершине. Память ли предков живёт в твоей крови, или настолько ты сплавлен с этой землёй, неотделим от неё, что всё здесь – родное и близкое – не знаю. Но эти «ощущения о прошлом» необычайно сильны и загадочны. И вдруг то же самое встречаю в Вашем рассказе «И просто – жить». «...Наверное, дело всё в той же непонятной и неизживной в нас русской ностальгии, чувстве родной и милой для нас Родины, каждый уголок которой, ещё до появления нас на этом свете, уже был уготован для поселения в наши души». Как изумительно точно подмечено. Вот Вы всё-таки умеете выразить то, о чём я только думаю.

Или вот опять же в повести «Сезон» из уст Михаила Васильевича звучит: «...Все бегут от той нормальной жизни, где твой труд вроде бы никому и не нужен, и оплачивается мизером. Бегут от фальши. Главное же, ценности в нормальной жизни ненормальные». Вот в чём главная причина – ценности ненормальные. И как там дальше разворачивается эта мысль в «Друге»: «...Притом, чем эта несправедливость меньше касается лично и непосредственно нас и чем больше имеет общенациональный или некий глобальный характер – тем нам больнее и невыносимее».

Вот тут, Ваерий Викторович, Вы попали в самую точку. Живу я, особо не жадуясь, считаю себя человеком счастливым. Пусть порой и на хлеб-то выскребаешь последнюю мелочь из карманов, да ведь не хлебом единым. Замечательная жена Света, сын, своими руками устраивающий свой быт... Ну и пописываю стихи. Это меня очень в жизни поддерживает и помогает. Естественно, не материально. И ведь это так приятно, когда чувствуешь, что получается что-то стоящее. Не зря старался. Не зря жил. Вроде бы всё хорошо. Но... «...И лишь одно мне не даёт уснуть: Так за Державу больно и обидно».

«Ненормальные ценности» – вот беда страны. Лень, пьянство, воровство – черты, уже традиционно приписываемые русскому характеру (хотя и с этим я в корне не согласен) – это всё не так уж и страшно. С этим жили, трудились, боролись и будем ещё жить. А вот что самое страшное для современной России, так это возведение во главу угла рыночных отношений. Когда деньги и прибыль ставятся превыше всего, когда и мечта, и свобода, и совесть зависят только от наличности в кармане и становятся предметом купли-продажи – это уже начало краха. И, что самое главное, наши же правители сознательно и усиленно толкают нас на этот путь, ведущий к пропасти, неразумно продолжая и привати-

зацию, и коммерциализацию. А русскому характеру не свойственен дух торгашества, ну не лежит у него к этому делу душа. А где выход? Как быть? Народ, он ведь всё понимает. И что честным трудом ни заводов, ни скважин нефтяных не приобретёшь, что и детей толком не выучишь да не вырастишь, а лишь можешь существовать между жизнью и смертью. Но старшее поколение ещё привыкло, что основа всего – труд, вот пока и вкальвает за гроши. А младшее уже прекрасно понимает, что поприще добросовестного рабочего, колхозника ли – это беспросветная нищета и бесперспективное будущее. Что показано и в повести «Сезон», и в рассказе «Утешение». Это ужасное материальное расслоение, причём, совершенно несправедливое, угнетает Сашку постоянно, унижает его, даже безвозвратно уводит от него его любовь – Ольгу. Что, Ольга не права? А ведь ей тоже хочется жить, и жить нормально, хорошо, чего ну явно не получится с этим «совестливым» парнем.

Одно убивает меня, Валерий Викторович. Причём то, что всегда у всех на виду и на слуху. Это – несправедливость распределения доходов. Ну почему человек труда, шахтёр ли, хлебороб ли, то есть непосредственный производитель материальных ценностей должен получать на порядок меньше, чем вся эта обслуга, добрая половина которой в нормальном обществе-то и не нужна вовсе. Все эти посредники-перепродавцы, судьи-адвокаты, бухгалтеры-банкиры, депутаты и ещё выше... – все эти «слуги» народа – ну чем они лучше простого труженика? Чем заслужили свои привилегии, свои непомерные зарплаты? И когда я слышу, что «коли у простого работяги не хватает ума зарабатывать большие деньги, то пусть и вкальвает за гроши», – это ложь. Самая вредная ложь! Большие деньги зарабатываются вовсе не умом, а хитростью, коварством, жестокостью, а то ещё и откровенным разбоем. Умный человек не может грести безоглядно под себя, когда рядом ребёнок умирает от голода. Да и умному человеку деньги нужны всё-таки в разумных пределах для поддержания нормальной жизни, ну и чуть больше. Иначе этот ум болезненно-изодрённый, когда деньги делаются только ради денег и это становится единственным смыслом, самоцелью. А нормальный умный человек понимает, что благосостояние – это не только, и, даже, не столько «доход на душу населения», а это ещё и благое состояние Души.

А всё более расходящимися «ножницами» доходов да ежедневным мельканием по ТВ «звёзд» с их хоромами, крутыми тачками и до беспринципности роскошными тусовками вообще убивают в человеке естественное желание к труду. Трудиться стало зазорно. Вот что страшно. И не могу в подтверждение этой несправедливости не привести слова классика, честного русского интеллигента. «...Крепостного права нет. Зато растёт капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же как во времена Батя, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным». Сколь воды утекло с того времени, как сказал это Чехов, а сколько ж со времён Батя... Но ничего не меняется, а становится только хуже и хуже.

Выше я уже говорил, что не считаю лень национальной чертой русского характера. Нет. Просто у нас особое отношение к труду, как, впрочем, и ко всему остальному. И как бы ни возражали в прессе, особенно в последние годы, что, мол, нечего искать в русском народе какой-то «особливости», исключительности, духовности, что он таков же, как и все прочие, лишь ленивее да пьянее, я уверен абсолютно, что именно этой «особливостью» и духовностью он выгодно отличается от других. Все народы – разные. Но наш – особенный. И в отношении к труду – тоже. Если в немцах подчёркивают педантичность, а в работе это «от сих до сих», ни на минуту дольше срока задержаться и ни на грамм поднять больше положенного, то про евреев всё сказано в самом коротком анекдоте «Еврей-грузчик». А русский признаёт только работу с душой. И пахал крестьянин от зари до зари, пока поле не кончится или солнце

не спрячется. Да и сейчас, если только работа по душе, ни усталость, ни сумерки его не остановят. Неистребим этот азарт. Живу я в частном секторе и наблюдаю порой, как строит сосед курятник какой-нибудь, стемнело уже, а он лампочку на жердь пристроил и продолжает... Доделать и завтра можно, даже легче, светлее, но его не остановить – вошёл в азарт. Такую работу и в деньги как-то трудно перевести. А ведь и по сию пору в нашем небольшом городишке собираются мужики «хором» и помогают отстроиться какому-нибудь погорельцу. Не за деньги, а лишь за «столованье». Редко уже, но бывает ещё такое, о чём, думаю, в «столицах» даже и не слышали. Вот и у меня любимое занятие – колка дров. Ничего не знаю лучше. Темнеет уже, колуна толком не видать, а останавливаться так неохота. Присядешь на чурку, утрёшь пот со лба да засмолишь сигарку, а вокруг поленницы «солнышком» разложены ддя просушки. И такой смолевый дух вокруг витает, так на душе радостно. И тело вроде ломит от усталости, и руки-то уже топориче не сжимают, а ещё хочется работать. Есть в этом своя поэзия, поэзия труда, и такое блаженство она душе доставляет! Вот только не ушло бы это из молодежи нашей при таком-то отношении нынешнем к труду и человеку труда. Вот в доперестроечные времена не было такого резко негативного отношения к труженнику. Тогда труд, всё-таки, был не рабским, хоть и оплачивался не в полной мере. У меня никогда не выветрится из памяти то восхитительное настроение, когда я целый месяц в деревне по вечерам слушал задушевные песни доярок, возвращающихся с фермы. Вставали в четыре утра, шли на дойку, потом бежали домой, там своя скотина, там готовка еды да детишки, потом опять на ферму к вечерней дойке. И домой возвращались уставшие... Но как они пели! Как они пели каждый вечер! Сейчас такого не услышишь не то, что в работе, а даже и в застоле. Затихла песня да погасла улыбка. Грустно и больно.

Но особо хочу сказать, Валерий Викторович, о Вашей «Дороге к храму». Настолько тонкая, настолько сугубо личная вещь – Вера, что и говорить-то об этом вслух не принято даже между хорошо знакомыми людьми, а не то что «на весь свет». А Вы вот рискнули. Спасибо Вам за смелость и искренность! А ведь говорить надо. Ох как надо! И именно так, честно, задушевно и ненавязчиво. Нужно это и нашему поколению, воспитанному на атеизме, нужно и молодому, воспитываемому на неизвестно какой «каше», нужно это и совсем юным, которых и воспитать ещё не успели. Все мы видим, как размашисто кладут кресты да развешивают поклоны «большие» да «законные» люди, какие роскошные распятия выставляют они на показ. И хорошо знаем, что делают они, покинув ворота храма. Пока это ещё «показуха» некоторых, особенных... Но что же будет с нами, если это войдёт в привычку, в обыденность для большинства? Будем надеяться, что с нами этого не случится. Надеяться, верить и всячески содействовать этому, что Вы и делаете этой книгой. Всё-таки мы тверже и честнее. Мы – духовнее.

Вот вспоминаю детские годы. В семье были две ценные вещи, по святости и бережному отношению к ним не уступающие друг другу. Это боевые отцовские награды и старые бабушкины иконы. Их берегли и нам не давали. Но дети же, мы порой доставали ордена и медали, цепляли их на себя, играли ими, а вот иконками не играли никогда. Подойдёшь осторожно, трепетно прикоснёшься и отдёрнешь руку. Пусть и не было особого страха, но какая-то тайна, что-то недостижимое, недосягаемое. Вот откуда это? Крестила меня моя бабушка (носила в церковь), Ксения Еремеевна, как говорили, тайком от моих родителей. Хотя я знаю, что с их молчаливого согласия. Конечно, я этого и не помню, да и позже узнав, не придавал этому особого значения. Но низкий поклон ей за это и светлая память!

Как Сашка в «Сезоне», Сергей в «Искушении» да и Вы в «Дороге к храму», я так же почему-то в самые тяжёлые или торжественные моменты своей жизни обращался к Богу. Молился. Не знаю, из каких глубин ис-

ходили эти слова, возможно даже, и незнакомые вовсе, не слышанные никогда (потому что бабушка моя молилась одними губами, и сколько я ни пытался, не мог расслышать ни слова). Но эти слова молитвы приходили. Наверное, правильные, потому что легло на душе. Помогало. Отпускало. И после снова всё шло своим чередом. А вот момент, когда я по-настоящему задумался о вере, помню отлично. Было это классе в 9-ом на уроке обществоведения, когда преподаватель как-то вскользь заметил, что неверующих людей на нашем «шарике» не наберется и 20 процентов, и что большая их часть живёт в СССР. Вот тут-то меня и вознесло. Это ж надо, я вхожу в 20 процентов умнейших людей планеты! А как иначе? В то время для нас (66-67г.) человек верующий, да ещё непонятно во что, в какого-то там Бога, уже считался заведомо ущербным. Так мы были воспитаны. И свято верили в это. Короче, несколько дней я ходил, «задрав нос», сияя от удовольствия. Я так гордился своей учёностью и значимостью! Ведь за нами, материалистами, будущее. Спустя некоторое время во мне завелся червячок сомнения, который рос и всё больше досаждал. Как так? Сделано столько великих открытий, написаны тома умных книг, и кем? Людьми верующими, то есть невежественными? Что-то здесь не так. Вот тогда-то и начался этот бесконечно трудный, с большими перерывами и довольно резкими уходами в сторону, так ещё и не пришедший к своему логическому завершению процесс моего приобщения к вере. Труден он потому, что большую часть сознательной жизни мне прививали это неверие. Как вода, капля за каплей, день за днём вдалбливали его в мои мозги. И все вокруг были такими. И мыслить иначе было почти невозможно. Наказуемо. И логически всё было выстроено и обосновано только по законам науки. Никакого Бога. И я видел это. И верил в это. И до сих пор живёт во мне этот синдром Фомы «...хоть пяточку пальцем потрогать, хоть краешком глаза взглянуть».

Всё-таки грубейшей ошибкой советской власти было отделение церкви от государства, тем более, попытка её полного уничтожения. Они даже не столько не хотели делиться властью, пусть и с самим Господом Богом, сколько боялись вообще потерять её, зная особую святость русского народа. А ведь как могло всё быть иначе. Но, Валерий Викторович, мы то с Вами знаем, что на всё Воля Божья. Значит, так надо было.

И вот сегодня светлый праздник – Крещение Господне. С чем Вас от души и поздравляю! На улице – минус 40. Даже солнце с трудом пробивается сквозь сплошные дымки из труб да морозную плотность неба. В избушке сумрачно. Сижу, греюсь у печурки. Перед иконками тлеет лампадка. Сижу и читаю Ваше: «...Стоит в их избе, как и столетия назад, на божнице иконочка – их заступница и врачевательница. Горит перед ней лампадка. Встанут они на колени перед ней. Помолятся с усердием, какое пошлёт им на это время Господь,...и будут убеждены, что находятся они под защитой, крепче и надёжнее которой нет». Не вытравили, значит, в нас эту Веру за столько лет, сильнее оказалась она всех причин и обстоятельств. И вот с Верой этой выстоит русский мужик, не сдастся и не сгинет. И я всё больше склоняюсь к тому, что это Промысел Божий – сохранить в русском человеке человечество. Мы как будто подсознательно противимся и этим рыночным отношениям, и разрушению семейного уклада, и научно-техническому прогрессу, чувствуя, что без души он приведёт только к краху. Мы же – хранители главной ценности жизни – ДУШИ.

А по «ящику» опять показывают репортаж о землетрясении на Гаити. Да, беда. Трагедия. Но когда даёт интервью молодой здоровый мужчина: «Вот у меня здесь, под завалами, находится вся семья. (И уже через секунду). Нам есть нечего! Дайте нам помощь!», я уже не могу сдерживать злости. Ведь у него даже руки чистые и колени не замараны и не разодраны! Представляете – на нем одежда чистая! И, главное, не один он такой. Всю неделю в репортажах только разведённые в бессилии руки

(даже не испачканные раскопками) да истерические даже не просьбы, а требования помощи. Да ещё эпизоды постоянных драчек за гуманитарные пакеты. Картина, словно в обезьяннике. А если где и копают, так лишь на развалинах рухнувшего банка. Да простит меня Господь, но это – никчемный народишко. Ненастоящий. Не привык переносить лишения да тяготы. Горя не мыкал. Вот нашему мужику в данной ситуации (не дай Бог, конечно!) было б не до телекамер. Он бы сутками на карачках ногтями и зубами рвал эту землю. Рвал и о еде бы не вспомнил, даже если бы и не семья его была под завалами, а просто соседи, просто люди. Вот что нас отличает от других. Мы – НАСТОЯЩИЕ. И, надеюсь, такими и останемся.

Извините, Валерий Викторович, что-то я уж больно расписался-разошёлся. А всему виной – книга Ваша. Так проняла меня, что и не остановишь. Очень рад, что попала она мне. Вон сколько мыслей из моей заскорузлой башки вытащила. А вот попадёт ли она другим? И тиражи-то нынче – с гулькин нос. И главная-то беда наша, что уже приучаемся мы проходить мимо такой литературы, где ни убийств, ни секса, ни скандальных подробностей. А вот прочитал эту книгу и словно поговорил по душам с добрым и умным человеком. А такой разговор «по душам» стоит порою не одного десятка томов «чтива». Ещё раз сердечное спасибо!

*С уважением
Сергей Чепров, член Союза писателей России.
Алтайский край, г. Бийск.*

*Опубликовано:
Газета «Нижегородская правда» 29 мая 2010 г.
Альманах «Истоки» (Красноярск) № 1 2010 г.
Русский литературный журнал в Атланте
«На любителя» (США) № 46 2010 г.
Журнал «Бийский Вестник» (Алтайский край) № 4 2010 г.*